

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПИСЬМО К КНЯЗЮ
Д.А.ОБОЛЕНСКОМУ

Петр Андреевич Вяземский

Письмо к князю Д.А.Оболенскому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24529084

Аннотация

«Сердечно благодарю вас, любезнейший князь, за присылку мне корректурных листов семейной вашей хроники. Эта хроника отчасти и моя: я современник её содержания. Прочел я ее с живейшим удовольствием, не чуждым умиления, потому что чтение воскрешало в памяти и душе моей *предания старины глубокой*, мне близкие. Но, отлагая в сторону мои личные впечатления, позволяю себе, как старый литератор, богатый по крайней мере некоторою опытностию, поздравить вас с подарком и услугою, которыми вы порадуете добросовестную и образованную часть нашей читающей публики...»

Содержание

I	4
II	18
III	28

Петр Вяземский

Письмо к князю

Д.А.Оболенскому

I

Сердечно благодарю вас, любезнейший князь, за присылку мне корректурных листов семейной вашей хроники. Эта хроника отчасти и моя: я современник её содержания. Прочел я ее с живейшим удовольствием, не чуждым умиления, потому что чтение воскрешало в памяти и душе моей *предания старины глубокой*, мне близкие. Но, отлагая в сторону мои личные впечатления, позволяю себе, как старый литератор, богатый по крайней мере некоторою опытностью, поздравить вас с подарком и услугою, которыми вы порадуете добросовестную и образованную часть нашей читающей публики. Нигде, может быть, подобного рода книги не способны приносить такую пользу, как у нас. В других обществах старые письма, памятные записки (*mémoires*) возбуждают любопытство новых поколений: там общество уже так созрело и так сказать заматерело в своих привычках, оно прошло сквозь такие события, перевороты, перерождения, что им уже нечему, да и некогда научиться из указаний, уро-

ков и образцов старого быта. Leur siège est déjà fait, как говорят Французы. Новые поколения рады знать, что делали отцы и предки, потому что, не смотря на новый быт и радикальное переустройство его, они, например, даже и часто линяющие Французы, все таки держатся с сочувствием преданий, по крайней мере литературных и общежительных. Французы при первом недоразумении, при первом столкновении с властью, готовы ниспровергнуть до последнего камня все свое историческое и государственное здание, но остроумное слово, сказанное за сто лет тому, но какое ни есть удачное четверостишие – обтаются у них неприкосновенными и переживают все возможные и даже невозможные революции. У нас книга, подобная вашей, не только любопытна и занимательна, но поучительна и назидательна. Наше общество развивается не постепенною жизнью. Мы росли, образовались, возмужали более порывами, прыжками. У нас настоящий день мало оглядывается на вчерашний. А чтобы осмотрительнее и вернее идти вперед, хорошо иногда припоминать откуда идешь. Мы вообще мало придерживаемся такого обратного умозрения. Многие не только мало придерживаются, но и отрекаются от пройденного пути. Они за собою хотят оставить одни развалины и пепел: они минувшее истребляют, ломают и сожигают. Словно дикая орда проходит чрез историю. Ваша книга, живая картина, изображающая не только частные и семейные лица, в высшей степени привлекательные, но и без притязательств на историческую важность, она, т.-е. кни-

га ваша, вместе с тем и историческая картина того времени. Надобно только уметь ловить и постигать историю, то есть смысл минувшего и в частных и легких очерках его. Равно книга ваша, без раздражительных пререканий и полемики, без предвзятого мнения служит прекрасным и убедительным опровержением необдуманых толков о какой-то исключительно барской, малограмотной и маломыслившей старине. Многие годы действия или сущности этой книги протекают и разыгрываются в Москве. Здесь опять естественное и возникающие само собою из природы вещей, из общего положения лиц и событий неопровержимое возражение против указаний на какую-то *Грибоедовскую Москву*, которую нам колют глаза и оскомину набивают. Как старый москвич, не могу не порадоваться этому живому и убедительному заявлению того, что было на деле, в противоречие тому, что позднее вошло в понятия от односторонних воззрений, предубеждений и легкомыслия. Я родился в старой Москве, воспитан в ней, в ней возмужал; по наследственному счастью рождения своего, по среде, в которой мне пришлось вращаться, я не знал той Москвы, которая так охотно и словоохотно рисуется под пером наших повествователей и комиков. Может быть, в некоторых углах Москвы и была, и вероятно была фамусовская Москва. Но не она господствовала: при этой Москве была и другая образованная, умственной и нравственной жизнью жившая Москва. Москва Нелединского, князя Андрея Ивановича Вяземского, Карамзина, Дмитриева и мно-

гих других единомысленных и сочувственных им личностей. Своего рода Фамусовы найдутся и в Париже, и в Лондоне, и каждый из них будет носить свой отпечаток. Грибоедов очень хорошо сделал, что забавно, а иногда и остроумно посмеялся над Фамусовым и обществом его, если пришла ему охота над ними посмеяться. Не на автора обращаю свои соображения, свою критику: он в стороне, он посмеялся, пошутил, и дело свое сделал прекрасно. Но виноваты, и подлежат такому-же осмеянию те, которые в карикатуре, мастерскою и бойкою рукою написанной, ищут и будто находят исторически верную, так сказать, буквальную истину.

Напрасно хотите вы напечатать книгу свою в малом числе экземпляров, для келейного обращения, а не в продажу. Напротив, эта книга имеет все возможные права на гласность, и гласность обширную. Дай Бог только, чтобы умели оценить ее. Повторяю, книга имеет не только чисто литературное и общежительное достоинство, но и большое историческое: одним словом, достоинство увлекательное и поучительное. Хлеб-соль ешь, а правду режь, и если не режь, то по крайней мере не таи ее под слудом. В нынешней хлеб-соли есть, без сомнения, много хорошего, сытного и вкусного. Но и отцы наши не питались одними желудями и мякиною. Ваша книга представляет прекрасный и лакомый *мени* нашей старинной трапезы. По этой столовой записке, взыскательнейшие и щекотливейшие гастрономы нашего времени, если только небо и желудок их не испорчены и беспристраст-

ны, должны будут сознаться, что и кухня отцов наших имела свои поваренные достоинства и цену.

Слова: *либерализм, либерал, гуманность*, слова нового чекана: они недавно сделались ходячею монетою, хотя иногда и довольно низкопробного достоинства. Во времена Нелединского их не знали. Но понятия, но дух *либерализма*, хотя еще безыменного и не окрещенного, но дух *гуманности* – *ruique* гуманность *il-y-a*, как не претительно это слово на нашем языке, эти сочувственные духовные ноты, также звучали и в прежнее время: тонкое ухо, тонкое внутреннее чувство умеют расслушать их и там, где о них как будто и не говорится, но где они явственно подразумеваются, угадываются, *подчувствуются*. Не знаю как другим, но мне очень по сердцу этот либерализм *avant la lettre*. Литографированные картины, литографированный либерализм для дешевого и обиходного употребления, не имеют действительного достоинства – оно как будто то же, а не то же. Доказательством этому служат многие письма, приведенные в книге вашей. Что, например, в общем, внутреннем достоинстве и смысле выраженье, может быть *либеральнее* отношений и переписки Юрия Александровича с Императрицею Мариею Федоровной? От них так и веет духом и благоуханием того, что мы ныне называем *либеральностью и гуманностью*, а что прежде просто называлось образованностью, человеколюбием, теплым сочувствием во всему человеческому, к нуждам, страданиям и радостям ближнего. Многие признают один

политический либерализм, но без либерализма нравственного, либерализма в нравах, с одним политическим, не далеко уйдешь по дороге истинного общественного преуспевания. Как только нежнейшая мать может любить единственную дочь свою и постоянно заботиться о настоящей и будущей участи её, так Императрица любила несколько тысяч приемышей своих. Как мать, как домовитая хозяйка, как образовательница, как администраторша, пеклась она о них; ничто: ни важное, ни мелкое не ускользало от её всевидящего внимания. Вот это так и есть настоящий, не временный, не условный *либерализм*, а либерализм, который был и есть во все времена и при всех порядках, присущих душе возвышенной и любящей. Когда встречаешь подобные качества и чувства на высшей степени общественной иерархии, то впечатление ими производимое еще светлее и глубже проникает в душу. По всей переписке видно, что из всех сподвижников и орудий Императрицы на поприще просветительной благотворительности, ближайшим и пользовавшимся её отличительным доверием был особенно Нелединский. Это одно укрепляет за ним место, которое он занял и заслужил в современной ему эпохе нашего общежития и образованности. В продолжении многих лет один только раз Нелединский не угадал своей высокой Начальницы и не угодил ей. Когда в 1812 году неприятель приближался к Москве, начальство, за неимением свободных экипажей в смущенной и разъезжающейся по всем направлениям Москве, от-

правило в Казань на тележках воспитанниц института Св. Екатерины, tontes filles de gentilshommes, enfin toutes nobles (как сказано в письме Императрицы), comment se peut il que vous, mon bon Nélédinsky, avec la délicatesse de vos sentiments, vous ayez pu souscrire au cruel arrangement de faire partir nos demoiselles, и так далее, говорит она. Материнская нежность и чувства аристократического приличия, очень понятно и естественно, сливаются в особе её. Она возмутилась при таком распоряжении местных властей. Эта черта может возбудить невольную улыбку, особенно в наше время, но вместе с тем должна возбудить и умиленное сочувствие к заботливому покровительству Венценосной Начальницы этих воспитательных заведений. Впрочем, не одни тележки обратили на себя неудовольствие Императрицы. Она делает дружеский выговор Нелединскому за то, что девицы Института были отправлены в путь «sans prêtre, sans inspecteur des études, sans aucun maître и проч. Ensuite vous, mon bon vieux Nélédinsky, пишет она, je vous charge, après avoir dit *еиноват*, de réparer vos fautes, de soigner l'envoi de notre excellent prêtre que vous munirez de noe vases sacrés et images (si vous le trouvez nécessaire), ensuite de notre inspecteur des études, de même que du meilleur de nos maîtres des langues étrangères et d'un de nos bons maîtres d'histoire et de géographie», и проч. Какая заботливость, предусмотрительность, и в какое время? Когда опасность грозила целости государства, когда, по словам её в том же письме: «je n'ai pas besoin de vous exprimer ce qui

se passe dans mon coeur, les paroles le rendent mal: cependant soyez persuadé que je suis remplie d'espoir et de confiance dans la bonté divine», и проч. После этих слов, вылившихся из сердца Венценосной вдовы и матери царствующего над Россией Государя, в ней снова слышатся чувства Высокой Начальницы женских учебных заведений: «Ah! mon bon Nélédinsky, que je serai heureuse, lorsque je saurai de nouveau, nos enfants en chemin, pour revenir à Moscou, que je les saurai arrivés et que celles rendues aux parents se réuniront de nouveau à eux. Informez vous, je vous' en prie, comment va la petite Smetkoff, qui a été si malade, dites moi si les parents quittent Moscou, enfin ayez un oeil protecteur sur les leurs et dites aux parents que je vous ai prié de m'en donner des nouvelles».

Отметим мимоходом весь дух этого обвинительного письма, этого выговора по делам службы от Царской Начальницы к подчиненному своему. Такое письмо, по многим отношениям, принадлежит Русской истории: оно вносить и отрадную отметку в нравственную летопись сердца человеческого. Имя Нелединского займет тоже свое местечко в этой достопамятной странице. Мы упомянули, что Юрий Александрович был *либерален*, хотя и не был *либералом*, потому что в то время этой клички еще не было. Теперь, может быть, и много либералов, но некоторые из них часто мало либеральны в действиях своих. К этому прибавить можно, что он был довременно тоже, *avant la lettre*, и член общества покровительства животным, когда ни у нас, да, кажется, и нигде еще

подобного общества не существовало. Знаете-ли вы, что дед ваш, садясь в свою наемную карету, всегда отнимал у кучера кнут и клал его возле себя, с тем, чтобы кучер не хот стегать лошадей своих. Подобное *покровительство* простирает он не только на живую тварь, но и на божии плоды в царстве прозябаемом. Он, который был большой лакомка, никогда не решался есть соленые груши, персики, ананасы, и с негодованием признавал подобное соленье в домашнем хозяйстве, у нас обычное, за святотатство против природы. Как, говорил он, натура ущедрила эти плоды особенною сладостью и душистым вкусом, а мы увижаем их до разряда огурца, или капусты... Разумеется, все это говорилось шуточно, но подобная шутка не придет в каждую голову. В самой простой шутке отзывается иногда нота общего настроения. Шутки, понятия, отдельные слова, привычки, вкусы, отвращения, не те же-ли живые проявления нашей внутренней растительности? Каждый человек носит в себе почву свою, и эта почва дает цветы и плоды, ей особенно свойственные. В письмах Нелединского часто и совершенно неожиданно пробиваются приметы внутренней природы его, внутреннего слоя. Иногда при самой сухой речи о мелочах обыденной жизни проскакивает слово, в котором выражается черта личности его, черта духовная, психологическая, в которой обнаруживается весь человек. А вы по многим причинам и соображениям, весьма уважительным, не могли еще представить вполне всю переписку его. Но надобно бережно сохранить ее.

«Не нам, так детям пригодится».

Придет время: содействие и освящение времени нужны для всего, и тогда в свой час, эта полная переписка дорисует, но ни в чем не будет противоречить уже известному очерку замечательной и сочувственной личности.

В новое доказательство, что дед ваш не только правильно, честно жил и действовал в настоящем, но что, так сказать, предчувствовал и понимал благоразумные условия будущего, можно указать на письмо к сыну с поздравлением его при получении офицерского чина. Это полный трактат об обязанностях воина. Он и ныне, а, может быть, особенно ныне, при учреждении общей воинской повинности, имеет все значение и все достоинство современного, хотя и за полстолетие тому написанного наставления. Многое хорошее не так ново, как оно кажется глазам, любующимся новизною. Мы вообще склонны исключительно себе приписывать всякое полезное и плодотворное явление. Но многие из этих явлений невидимо уже таились в зародыше и до нас. Время сеятелей не бывает временем и пожинателей. Поколения, одно за другим, что-нибудь да наследуют от своего предшественника. Что же касается до Нелединского, то нельзя не заметить, что, если он и был одно из высших и привлекательнейших выражений образованности своего времени, своего поколения, то он не был вырожденком, исключением из общей среды. Один в

поле не воин, говорит пословица. Но Нелединский и не был один. Дело в том, что отдельные воины тогдашнего времени не были еще призваны к решительной битве: победы были впереди; но они бессознательно готовили эти победы: поле их не было праздною и необработанною пустошью.

Вы желаете, чтобы я в дополнение к книге вашей составил по возможности биографический очерк Юрия Александровича. Всеми помышлениями, всею душою взялся бы я за исполнение вашего требования. Но оно, при некоторых обстоятельствах, не легко может быть приведено в действительность. Вероятно я один на Русской земле или, по крайней мере, один из двух, а много трех современников Нелединского. Детские воспоминания мои сливаются и с воспоминанием о нем. В течение многих лет он почти ежедневно был посетителем дома друга своего и моего родителя князя Андрея Ивановича. Связь их началась еще в пору первой молодости, в море шалостей и проказ её. Позднее, с годами зрелости, связь эта еще более окрепла в нравственных и умственных сочувствиях и единомыслиях. Мой отец был также одним из умнейших и образованнейших людей своего времени. Говорю это не из одного пристрастного сыновнего чувства. Отца имел я несчастье лишиться в такие годы, когда не мог я еще иметь мнение, основанное на собственном суждении и опыте. Но предания по нем оставшиеся в людях достойных оценить ум и качества современника своего, утвердили меня в понятии о нем. Еще в детстве вслушивался я в речи

Нелединского, многого в них, разумеется, не понимая. Помню, как в предсмертные дни своего друга не отходил он от постели его, как во время отпевания, в церкви Антипия, что у Колымажного двора, стоял он у самого гроба, и держал в руке своей онемевшую и остывшую руку друга своего. Позднее эти действия сочувствия перешли, смею сказать, в признанные отношения, основанные, конечно, на наследственном начале, но вместе с тем и на добровольных и благоприобретенных условиях. Живо помню эту до старости сочувственную и милую личность. Он был небольшого, скорее малого роста, довольно плотный, коренастый, с косичкою, лентой заплетенной, которой оставался он верен, когда все уже обрезали косы свои. Глаза голубые, выразительные, улыбка приветливая, которая имела почти прелесть женской улыбки, голос мягкий и звучный. Помню речь его, неблиставшую остроумными вспышками и словами, которые Французы называют *bons mots* или, *mots à retenir*, хотя и в них не было недостатка: в речи его более всего привлекало и поражало особенно покойный строй её, всегда ясный и прозрачный: все было связано, кстати, во время, без малейшей подготовки. О поэзии, о любви говорил он особенно охотно и с увлечением. Иногда любил он говорить и об особенно любопытных и выходящих из обыкновенного уровня делах подлежащих суждению Сената. Он часто пристращался к этим делам, к полному исследованию их, к проникновению в темные, гадательные стороны подобных процессов. В разговорах своих

прибегал он иногда в обществе в поверке этих юридических вопросов. Помню, что случилось ему и у меня, еще тогда отрока, спрашивать иногда по кратком изъяснении в чем дело, кого признаю я виновным, или невинным в таком-то деле? Он любил проверять чужим впечатлением свой взгляд, свое мнение, свое убеждение. Это было род совещательного (consultatif) присяжного суда, который он призывал в помощь суду своему: и такой совещательный присяжный суд, по мнению моему, мог бы применяем быть с пользою и в делах судебным.

Все это помню. Все это так. Кажется, только и стоило бы присесть в столу, взять перо и приняться соп амоге, что и было бы в высшей степени, кстати, при настоящем случае, и добросовестно исполнить возложенное на меня поручение. Но за этим следуют несколько *но*, частые и неотложные закорючки многих человеческих предприятий и действий. Приглашение написать биографический очерк Юрия Александровича напало на меня врасплох. Здесь нужно мне довести до сведения вашего, мою маленькую авторскую исповедь. Стихи еще могу кое-как импровизировать в прогулках моих, под прихотью минуты и воображения: не смею сказать вдохновения. На прозу я гораздо туже. Проза требует совершенно здравого духа и здравого тела, спокойствия, усидчивости, равновесия. Относительно собственно до меня, проза нуждается в ночах без *хлорала*, во днях затишья нервов, во днях бодрости и внутренней потребности, так сказать, жаж-

ды чернил и труда. А этого часто у меня нет. Часто мне не только не пишется, но и противно то, что напишется. Поэтому, никак не могу браться за срочную работу. У меня были когда-то подготовлены и собраны сырые материалы для скромного памятника, который мне хотелось соорудить во имя Нелединского. Но и эти материалы теперь у меня не под рукою. В последние скитальческие и больничные года мои, я, по разным местам, разбросал пожитки свои. Нужно было бы время, чтобы розыскать их, обделать и связать. Вы видите, любезнейший князь, что добрая воля и есть: но средства недостаточны. Я почел бы за счастье принести *каплю меда* своего в ваш богатый и душистый улей. И подлинно выражение *улей* здесь кстати: в Нелединском было много аттического: был и гиметский мед, была и аттическая соль. Но я то часто не трудолюбивая пчела, и природою разжалываюсь в трутни. Между тем, не хотелось бы мне на-отрез отказать вам в приятном и лестном вашем предложении. К отметкам, уже выше разбросанным, приложу еще несколько моих впечатлений, глубоко сохранивших всю свежесть свою в памяти и сердце моем.

II

Начнем с того, что мимоходом заглянем в Москву, в которой жил Нелединский и в которой знал я его.

Эта Москва, по имени еще первопрестольная, на деле, по вступлении соперницы своей в совершеннолетие, была уже второстепенною столицею. Действующая жизнь отхлынула от неё и перелилась в Петербург. Но историческая жизнь её осталась еще при ней: и осталась не в одних каменных стенах Кремля. Были в ней и живые памятники, так сказать ходячие исторические записки, предания, отголоски. В Москве доживали тогда свой век действующие лица, со сцены сошедшие. Живали отставные правительственные деятели, вельможи, министры, между прочим, и отставные красавицы, *фрейлины Екатерины первой*, по выражению Грибоедова. Давно уже сказал я, что Москва девичья России, а С.-Петербург – но к чему поминать старые грехи мои? Да, Москва была в то время каким-то убежищем, затишьем людей доживающих свой век. Ныне как-то никто не *доживает*: каждый с жизни на юру, с жизни на маковке, прямо и скоропостижно падает в могилу. Эти закаты жизни, эти мерцания, имели и свою теплоту и свои отблески. Жизнь, в остатке годов своих, после трудного, часто тревожного, часто блистательного поприща, удаляясь, *ретировалась* в свои внутренние покои.

Москва была эти внутренние покои Русской жизни. Так поступил мой отец. Так поступили и многие. Так поступил и Нелединский, когда расшел, что он уже *отжил* и что остается ему только *доживать*. Но переехал он не в Москву, которую разлюбил с того времени, как неприятели пребыванием своим в ней ее запятнали: переехал он в Калугу и там отшельником от мира тихо, но светло вечерел при семейном и любвеобильном очаге.

Но не думайте, чтобы при этой тихой Московской погоде, царствовал в обществе неподвижный, мертвенный *штиль*. Нет, было и тогда колебание, волнение. Были люди, чающие движения воды и чающие не напрасно, подобно расслабленному при купели у овечьих ворот в Иерусалиме. Были и в то время свои мнения, убеждения, вопросы, стремления, страсти. В этом обществе встречались люди противоположных учений, разных верований, разных эпох. Тут были люди, созревшие под влиянием и блестящим солнцем царствования Екатерины, были выброски крушений от следовавшего за ним царствования, уже выглядывали и обозначались молодые умы, молодые силы, развивавшиеся под благорастворением первоначальных годов правления Императора Александра I. Эти года навеяли на общество новое дыхание, новую температуру: следовательно на обществе отсвечивались разнообразные исторические и нравственные оттенки. В общественном, как и в литературном быту, были старообрядческие последователи Шишкова, и новокрещенцы, последо-

ватели Карамзина. Двигались и мыслили и *сыны Вольтера*, и сыны *крестоносцев*, как говорят Французы, а по-русски – сыны православной церкви. В том же обществе, в том же доме, за обедом, или на вечере, могли встретиться и князь Платон Александрович Зубов, и княгиня Екатерина Романовна Дашкова: первая страница и последняя страница истории царствования Императрицы Екатерины.

Граф Ростопчин и граф Никита Петрович Панин – два почти политические противника.

Граф Аркадий Иванович Марков и Обольянинов – две исторические и характеристические противоположности.

Мистик и Мартинист Иван Владимирович Лопухин и Нелединский – также далеко не близнецы и не однородцы.

Здесь представляем мы сокращенный сколок с живых картин более или менее исторических лиц. Представление давалось на общественной сцене, пред любопытствующим и внимательным партером: то есть публикую. Зрелище, нечего сказать, довольно привлекательное и не лишённое блеска и достоинства.

А сколько еще можно насчитать лиц, если не прямо принадлежащих истории, то не менее того лиц, запечатленных особым выражением, особым значением, и также имеющих свое косвенное влияние на дела и на общество. Есть история явственная, гласная, но есть также история подспудная, так сказать побочная, которая часто и невидимым образом сливается с первой и ею поглощается.

Вот некоторые имена Московского общества, современные Нелединскому.

Граф Лев Кирилович Разумовский: образец того, что Французы называют, или скорее называли *grand seigneur* – слово *вельможа* не передает этого значения: – он же и образец благовоспитанного, любезного светского человека.

Библиофил и полиглот, всеязычный граф Бутурлин.

Петр Васильевич Мятлев, оживляющий разговор остроумием, а не редко и полуязвительными насмешками.

Федор Иванович Киселев, резкий в суждениях своих, часто раздражительный и желчный; но в это время терпимости прощали ему эти выходки, потому что в человеке уважали благородные качества его, независимый ум и независимое положение его в обществе. К тому же в это время некоторое *фрондёрство* было в обычае и в чести: в обществе любовались этими наездниками слова, которые ловко метали пращи свои (Известно, что выражение *la fronde*, *frondeur* заимствовано от бойцов, вооруженных пращою).

Павел Никитич Каверин. Он, может быть, не имел общей Европейской образованности, но был Русский краснобай, в полном и лучшем значении этого слова. Соловей речи и соловей немолкаемый! Говорун и рассказчик, имел он, что говорить и что рассказывать. Он был ума бойкого и сметливого. Настоящий Русский ум, там где он есть, свежий, просто-сердечно хитрый и несколько лукавый. В долголетнем звании своем столичного обер-полицмейстера – в звании, кото-

рое он, впрочем, никогда во зло не употреблял – имел он случай много и многих узнать, обучиться жизни на практике, вблизи и разносторонне. Вся эта живая наука отзывалась в разговоре его. Он был, между прочим, приятель графа Ростопчина, Дмитриева и Карамзина.

Князь Андрей Иванович Вяземский: гостеприимный собиратель Московской земли; в течении многих лет дом его был сборным местом всех именитостей умственных, всех любезностей обоего пола. Сам слыл он упорным, но вежливым спорщиком: сжатый и сильный диалектик, словно вышедший из Афинской школы, он любил словесные поединки и отличался в них своею ловкостью и изящностью движений.

Князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский, друг князя Вяземского и Нелединского, с выражением несколько суровым в смуглом лице, с волосами, причесанными дыбом, был весельчаком этого общества: много было у него прибауток Французских и Русских, которыми он метко и забавно разнообразил речь свою.

Тончи, живописец, поэт и философ. Стройная и величавая наружность: лицо еще свежее, волосы густые и несколько кудрявые, осеребренные преждевременною и красивою сединою. Он, между прочим, преподавал в салонах учение *призрачностей, мнимостей*: (*des apparences*) то есть, что все вещественное в мире и в жизни, а особенно, впечатления, ощущения, все это только кажущееся, воображаемое. Он имел дар слова: и на Французском языке, озаренном и согретом

ужным блеском и поэтическими красками, он если не был убедителен, то всегда был увлекателен. Впрочем, он имел несколько и учеников, и последователей: в числе их был Алексей Михайлович Пушкин.

Вот также личность в высшей степени своеобразная. Прямой сын Вольтера, энциклопедист с Руссею заеваскою, воспитанник дяди своего Меллисино, куратора Московского университета, бывший в военной службе и в походах, следовательно не чуждый Русской жизни и её особенностей. Трудно определить его: одно можно сказать, что он был соблазнительно-обворожителен. Бывало изъяснит он мнение, скажет меткое слово, нередко с некоторым цинизмом, и то, и другое совершенно в разрез мнениям общепринятым и все это выразит с такою энергическою и забавною мимикой, что никто не возражает ему, а все увлекаются взрывом неудержимого смеха. Он вообще не любил авторитетов: гораздо прежде романтической школы ругал он Расина, которого, впрочем, переводил, и скажем мимоходом, довольно плохо. Доставалось и солнцу, как авторитету, и поэтам, которые воспевают восхождение его, «а оно, радуясь» этим похвалам, раздувшись и «раскрасневшись, вылезает на небосклон». И все это было *иллюстрировано* живыми ухватками, игрою лица. И все это делал он и говорил, вовсе не из желания казаться странным, оригинальным, рисоваться. Он был необыкновенно прост къ обхождению: нет, он был таковым потому, что таков был склад ума его.

В детских воспоминаниях моих еще нахожу низверженного Молдавского господаря, князя Маврокордато. Он также сделался москвичом. Не знаю, много ли он содействовал приятности общества, но как декорация, он очень разнообразил обстановку сцены. Восточная важность, пестрота восточного костюма его привлекали по крайней мере мои любопытные детские глаза.

Есть еще лица и имена, которые могли бы внесены быть в этот список. А сколько иностранных путешественников, художников, мелькавших в этой картине! Иные из них заезжали в Москву проездом и оставались в ней на зиму и более. Бывали между ними и странствующие рыцари, искатели приключений. Но и они для разнообразия, для драматического движения, были не лишние. Назовем между прочим барона Жерамба, гусара из полка гусаров смерти, *hussards de la mort*, в черном доломане, с металлической мертвою головою на груди. Был-ли он барон, был-ли он гусар: это осталось не решенным. Но он разъезжал по Москве в карете цугом, вел большую карточную игру, много проигрывал, но мало уплачивал, писал Латинские стихи, а что всего лучше, был очень умен и забавен, и возбуждал общее любопытство и внимание своею загадочностью. В общественном каруселе, где каждый подвизался по своему, он ловко разыгрывал роль неизвестного рыцаря, под непроницаемым забралом.

Литература не была чужда этому разнообразному, разнохарактерному представительству. Не говорим уже о литера-

туре иностранной, особенно Французской; все старые и новые явления её были знакомы, прилежно прочитывались, горячо обсуждались. Но и доморощенная словесность была не чужая в этом обществе, хотя и созданном немножко по образу и подобию запада. Во главе её стояли Карамзин и Дмитриев. Они были не просто писатели, действовавшие с пером в руках в кабинете своем. Они и в обществе и в салонах были действующими лицами. Голос их присоединялся к общим голосам: он был и слышим и уважаем. Русская Московская литература примыкала в то время с одной стороны в старине в лице Хераскова, тихо доживавшего в Москве славу свою: с другой стороны приветствовала она новое поколение поэзии, в лице Жуковского и Батюшкова, и некоторых других упований нашего Парнасса, скажем мы на языке того времени. Нелединский также занимал видное и почетное место в литературном круту. Но он писал более урывками, и был, так сказать, дилетантом в ней. Красавицы и молодые певицы на вечерах распевали, за клавибордами песни и романсы его. Тогда скромно довольствовались и этим.

Выше упомянули мы о Иване Владимировиче Лопухине, сопоставляя его с личностью Нелединского, как два родственные начала. Но судьба, однажды, свела их по одной дороге. Как сенаторы, были они посланы Императором Александром на ревизию, особенно по делам Молоканов. Тот и другой были люди умные, образованные и благодушные: в исследовании истины, в добросовестном исполнении обязан-

ности, на них возложенной, они не могли расходиться. Дружно действовали они, а по окончании дела, разбрелись опять каждый в свою сторону, но с уважением друг к другу, хотя ни один из них не переманил и не думал переманить другого на свои воззрения в свободной области личных мнений и убеждений. Здесь также отыскивается знамение того времени.

Мы, может быть, не в меру расширили рамку очерка, который избрали задачей своею. Но нам казалось, что для точнейшего, по возможности изучения события, или лица нужно то и другое оставить во времени и в среде, в которые то событие совершилось, или то лицо жило и действовало. Иначе, можно дойти до того, что будешь удивляться и пенять Кристофору Колумбу, который, для открытия нового мира, отправился на парусном корабле, а не на пароходе. Такие суждения, такие анахронизмы в печати не редки. Не надобно терять из вида, что Нелединский был человек своего времени, и что это время могло иметь и имело свои недостатки; но вместе с тем имело свои почтенные и любезные достоинства. Многие понятия, многие вопросы тогда еще не возникали. Но было много мыслящих людей, имевших потребность в обмене мыслей. За неимением действия тогда и разговор был уже действие. В другие времена действие ограничивается часто одним пустословием. Тогда образованные, умные люди, а было их не мало, съезжались по вечерам на беседу, потолковать, поспорить, развязать мысль свою, или просто язык свой. Каждый приносил, что имел, что умел и что мог: кто

золотой талант, кто посильную лепту, кто жемчужину, кто просто полевой цветок, но свежий и душистый. Я вырос в этой школе: могу говорить о ней по отроческим впечатлениям и поздним воспоминаниям. Живые предания того времени не замолкли, не изгладились во мне. Тогда было менее помышлений о свободе в учреждениях: горизонт был ограниченнее; но было более свободы в мысли и в общечитии, горизонт и ограниченный был чище. Каждый был и казался тем, что он есть. Он не был завербован под такое-то или другое знамя. Никто не подчинялся известному лозунгу, и не нуждался в нем. Тогда подписывались на журнал, на газету, но не приписывались к ним. Тогда просто хотели узнать от повременного листка, что делается на белом свете: и basta! Никому не приходило на ум узнать от журнала, как прикажет он мыслить, чувствовать, судить о таком-то событии, оценить такую-то правительственную меру; одним словом, не было того духовного крепостничества, в силу журнальной печати, которое кое-где встречается ныне: и оно ожидает свое 19 Февраля; но скоро-ли дождется?

III

Нелединский мог-бы быть предметом прилежного изучения и исследования для физиолога и психолога. Он во многих отношениях был натура совершенно своеобразная: натура крайностей и противоположностей, но не противоречий. В самых крайностях хранилось какое-то равновесие, какая-то нравственная примирительная сила. Он был натурою своею будто разделен на особые участки. И каждый участок не посягал на другой, не вредил ему. В нем были участки светлые, благорастворенные, возвышенные; были и участки чрезполосные, спорные; правила и условия нравственной топографии могли протестовать против них. Но, не надобно терять из вида, что первые участки, то есть светло-возвышенные, были открыты и доступны всем ближним его, всему обществу; другие были, так сказать, заповедные, личные, ему одному свойственные: он один отвечал за них и они одного его касались. Объясним слова наши словами из письма его к вашей матери: *Rapportez tout à cet Etre (Богу), cette source unique de tout, qui Vous a donné l'esprit, la raison, le caractère que Vous avez. Remerciez le – Твоя от Твоих! – Ce n'est pas un capucin qui vous parle, mais bien un libertin qui le sera toute sa vie, – à qui cet Etre suprême a départi, dans sa bonté, une raison qui l'a autant préservé d'être impie que bigot.*

В этих строках явное размежевание этих участков, о ко-

торых мы говорили. И в каждом участке является не лицедей, ни фразёр, а живой, искренний человек, который показывается тем, чем есть и действует согласно с тем. В это же письмо, вот как этот *libertin*, отзывается о жене своей и говорить дочери: *oui, chère amie, l'esprit et la raison, que vous avez reçus en naissant, ont été cultivés par les soins de votre mère. Oui, c'est à elle seule que vous êtes redevable de vos talents, et si vous voulez réfléchir avec moi, vous conviendrez que son amour pour ses enfants l'a toujours guidé de manière qu'elle a tenu une méthode, mis une suite à tout ce qui avait rapport à votre éducation.*-Depuis votre naissance, jamais je ne suis venu à temps pour lui conseiller la moindre chose relativement à vous autres, jamais je n'étais dans le cas de désapprouver ce qu'elle avait résolu de faire pour vous.

Как много еще разбросано в письмах, собранных вами, свидетельств о нежной предусмотрительной, изобретательной заботливости его о слабой, нервной жене. Сколько тут любви, сердоболия, самоотвержения. Я слышал, что он однажды, чтобы согласить жену свою дать выдернуть больной зуб, дал, для ободрения её, выдернуть при ней здоровый зуб у себя. Нельзя не убедиться, читая письма его, что если по общепринятым понятиям, не был он безукоризненным, то был образцовым супругом. Отношения его к детям проникнуты самою теплою, бескорыстною, безграничною родительскою любовью. Вот светлая семейная сторона его. А между тем, этот муж, нежный, каких немного, дома весь предан-

ный обязанностям супруга и отца семейства, вне дома имел всегда кумир, пред которым страстно благоговел, который воспевал, подобно Петрарке и Данту, чистыми песнями, кумир, пред которым коленопреклоненный возжигал он благоуханный и чистый фимиам любви, страсти. Таков был он вне семейного круга, так-сказать, на стороне от него; а еще дальше, и на другой, даже противоположной стороне встречаем его, как-бы сказать вежливее и почтительнее – впрочем, скажем опять не своими словами, а его собственными, встречаем: «un libertin, qui le sera toute sa vie». – Повторяем еще раз: если в угоду строгой нравственности назвать эти стороны *теньмыми*, то они никогда не затемняли светлых, а светлые часто очищали и самые темные. Это не есть оправдание темных сторон, не есть и разрешение другим снисходительно смотреть на свои слабости. Вовсе нет. Пример Нелединского не есть пример для подражания. Но он себя в пример и не ставил. Дело в том, что щедро наделенная натура его умела и могла вынести, могла даже согласовать, уравновешивать эти внутренние противоречия, это междоусобие врожденных свойств, склонностей, порывов, страстей. Такие натуры редки. На долгом веку своем, мы даже другой подобной ему не встречали. Приведу здесь еще личное воспоминание, которое дополнит сказанное нами. Мне было лет десять или одиннадцать. По ученью я был далеко не из скоропелок; но, по другим отношениям, умственная сметливость моя была довольно развита. Вообще не был я прилежен, а

более ленив. Мне не хотелось учиться, а хотелось знать. Как бы то ни было, однажды, незаметно вошел я в кабинет отца моего: он сидел и разговаривал с Нелединским. Разговор их, вероятно, был не из назидательных. Отец мой мог вообразить, что я кое-что из него расслушал. И вот что он мне сказал: «послушай, Петруха, если тебе суждено быть повесою (сказано было по Французски *mauvais sujet*), то будь им как Нелединский; хорошо знаю его таковым; но, если при смерти моей, твоя сестра оставалась-бы без родственников и семейного покровительства, я спокойно и с полною уверенностию, поручил-бы ее никому иному как Нелединскому».

Эти слова врезались в память мою, хотя в то время не вполне понимал я их значение. После истечения полустолетия и более они еще и ныне звучат в ушах моих. Для меня они прекрасно и убедительно характеризуют одну из сторон Нелединского, на которую я указал. Отец мой был не фразёр: он говорил то, что думал и чувствовал. Светлый ум его, житейская опытность и тесная дружба с Нелединским, придают словам его неоспоримый авторитет.

С одной стороны перейдем на другую, на солнечную! Императрица Мария Феодоровна пишет: «*Gare à vous, mon pauvre Nélédinsky; rappelez vous les beaux préceptes, que votre sagesse de tuteur vous fait débiter à nos demoiselles (воспитанницам институтов) profitez en vous même et fuyez le danger en revenant chez nous, si non je vous crois perdu*».

Эти строки относятся, как сказано в примечании под этим

письмом, к Елисавете Семеновне Обресковой, в которую Нелединский казался влюблен. Нет не казался, а был влюблен и влюблен страстно. Ему было тогда 56 лет, но впечатлительность его, но сердце сохранили всю первобытную мягкость, всю воспламеняемость молодости. Он любил Обрескову, как во время оно любил Темиру, с тою же нежностью, утонченностью чувств, с тою же благоговейною покорностью. Может быть, еще и с усилием этих чувств против прежнего. Прежде молодость могла брать свое, и, вероятно, брала; но на закате жизни чувства, помышления все сосредоточились в одном чувстве страсти преобладающей. Вся эта платоническая драма разыгрывалась преимущественно в доме нашем: сперва при жизни князя Андрея Ивановича, а после кончины его, при Карамзиных. Обресковы, муж и жена, и Нелединский были почти ежедневные вечерние посетители дома нашего, известного под фирмою Вяземских и Карамзиных. Однажды на таком вечере подходить ко мне Нелединский – мне было тогда лет пятнадцать – и спрашивает меня: «хороша ли она и как одета сегодня? – Кто? говорю я. – Да, разумеется, Елисавета Семеновна. – Помилуйте, что же вы меня спрашиваете, ведь вы теперь около двух часов за одним столом играли с нею в бостон. – Да разве ты не знаешь, что я уже три месяца не смотрю на нее, и что я наложил на себя этот запрет, потому, что видимое присутствие её слишком меня волнует».

Это также была не фраза, не поэтическая ложь, а впол-

не действительное сознание. От подобного-ли напряжения чувств, или просто по физическим причинам, но недолго после этого разговора он на вечере у нас был постигнут апоплексическим ударом, который, впрочем, важных и ощутительных последствий не имел. Еще одна при этом характеристическая черта житья-бытья Нелединского. После удара он пролежал у нас два дня. И жена его, нежно им любимая и нежно любившая его, нервная, легко смущаемая, по болезни своей мнительная, не имела повода особенно тревожиться отсутствием его. Он писал ей два раза, что заигрался в карты до утра, прямо с игры отправился в Сенат, а из Сената прямо опять на игру, которая крепко завязалась и требует окончательной и важной по своим последствиям развязки.

Не знаю, довольны ли вы мною: чем богат, тем и рад. Но я, по долгой беседе с вами, хочу на прощание, еще раз премного благодарит вас, любезнейший князь, за наслаждение, которое вы мне доставили. Читая ваши корректурные листы, я переживал многие и многие годы свои, едва-ли не лучшие годы. Молодость, и даже первоначальные дни *бабьего лета* жизни имеют особенную привлекательную прелесть и благоухание, которыми услаждаешь и прикрашиваешь суровые позднейшие дни. Как-то отраднo живется в старине и преданиях её. Для меня настоящая жизнь всегда тем красивее, или, по крайней мере, тем сноснее, что на ней отсвечиваются оттенки минувшего. Дивлюсь людям и жалею о тех, которые в жизни смотрят только на *профиль её*, а не обхва-

тывают всех сторон лица. У таких людей зрение узкое: узки и понятия их. Они словно сидят вечно перед зеркалом и только и видят, что себя и только на себя и смотрят. Это бы еще ничего: но вот что худо. Такая односторонность собственно размежевывает время, поколения, людскую семью на враждебные полосы и кружки. Они вносят в жизнь раздор и междоусобицу. По понятию некоторых, если любишь ровесников и братьев, то неминуемо, то обязательно должно порочить и презирать старших. Другие почитают одних отцов; за то осыпают бранью все новое поколение. У них дни не следуют один за другим в естественном и мирном порядке. Нет, они друг на друга выступают в боевом порядке; поколения не помогают, не содействуют друг другу, а встречаются и сходятся на ножах. Повторяю, в старину жили шире; было более терпимости, следовательно и общежительности. Молодежь не дичилась старости; старость не косилась на молодежь. Нелединский был один из лучших представителей этой эпохи мирного соревнования, благоразумной уступчивости, терпимости в мнениях: одним словом, эпохи истинного образования, которое стремится более согласовать, более сближать, чем расходиться и оборачиваться спиною ко всему и ко всем, которые хотя на вершок и хотя на одну букву, на йоту, отделяются от мнений и воззрений соседа.

Теперь довольно, а, может быть, скажете вы: давно довольно.